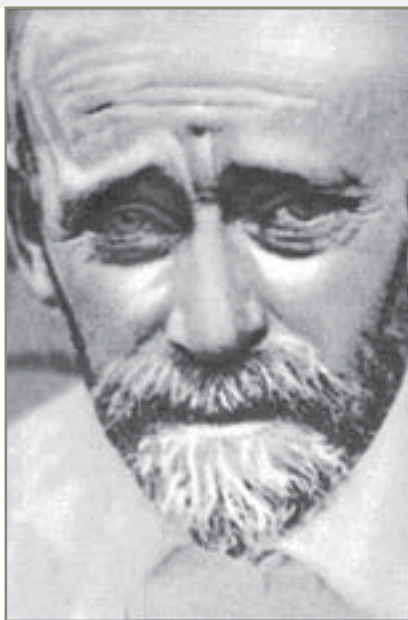

Сердце ребёнка

Бетти Джин Лифтон

*Король детей.
Жизнь и смерть
Януша Корчака*

Перевод
И. Гуровой и В. Генкина
М., Рудомино — Текст,
2004

Согласно древней талмудической легенде, в каждом поколении людей должно быть тридцать шесть праведников, которые спасают мир от гибели. Жизнь и смерть Януша Корчака дают все основания причислить его к этим избранным...

Красивое начало. Похоже на характеристику для приема в рай. Заверить ее надо бы в гетто, да только печатать не у кого взять — начальник юденрата Адам Черняков покончил с собой. Что же касается самого кандидата в праведники, он бы, наверно, посмеялся над таким пафосом.

Книга Бетти Джин Лифтон, удостоенная премии Международного общества Корчака и признанная лучшей его биографией, совсем не патетическая и к житийному жанру не относится. Американка Лифтон впервые услышала о своем будущем герое в 1978 году от польских друзей, которых глубоко шокировала невинным вопросом: «Корчак? А кто это такой?» И узнала, что 6 августа 1942 года этот человек был сожжен в Трешливе вместе со своими воспитанниками, сиротами из варшавского гетто, которых не оставил до последней минуты, хотя скорее всего мог спастись.

Как ни сильно было впечатление от этой первой встречи, оно не побудило уже достаточно известную к тому времени писательницу и педагога взяться за биографию польского коллеги. Но, видимо, где-то что-то (договорились же: без мистики и патетики!) было предрешено, и сама жизнь завалила ее материалом. Сначала муж, в силу профессиональных интересов, стал изучать психологию нацистских врачей, и в море страшной информации не раз возникла фигура другого врача — Старого Доктора из варшавского гетто. А затем супруги Лифтон попали в автокатастрофу в Париже и поехали восстанавливать здоровье на Синай. И тут зерно проросло: узнав, что, в Иерусалиме живут несколько воспитанников Корчака и выучившихся у него педагогов, Бетти неожиданно для себя «решила задержаться в этом городе странных снов на несколько месяцев, чтобы взять у них интервью».

Когда-то этот город привлекал и Корчака: он провел здесь очень недолгое время, но мечтал приехать навсегда; повернись жизнь немножко иначе, он успел бы выбраться из западни, и, вместо того чтобы погибнуть с обреченными на ликвидацию еврейскими детьми в Польше, воспитывал бы молодое, рожденное свободным поколением на обновленной земле. Никто не назвал бы его дезертиром. Что помешало ему? Не фашисты, а он сам. Это очень хорошо понимала его ближайшая помощница, мама всех приютских ребят Стефа Вильчинская. Она успела не только уехать, но и вернуться в эту самую западню — к Корчаку, к детям, к самой себе. Кажется, жизнь Корчака неизбежно читается с конца, с Трешливы, которой могло бы не быть.

Именно это возмущало тех, кто помнил его живым. Благодаря им и Бетти Лифтон начала видеть в Корчаке не мученика, а просто человека, сильно и слабого, веселого и мрачного, мечтателя и прагматика. Она уже не сомневалась, что давно сочиняет книгу о нем, и теперь уже с сознательной целью поехала в Варшаву: «искать человека там, где его больше не было, в месте, которое больше не существовало». Объехав все места, где бывал этот человек, она нашла его в книгах и дневниках, подписанных разными именами: Януш Корчак, Генрик Гольдшмит, Старый Доктор. А в конечном счете все сошлось в двух единственных сохранившихся портретах: маленького мальчика и лысого пожилого мужчины с седой бородкой, немножко похожей на нервный тик улыбкой и глазами, в которые больно смотреть.

Мы все в значительной мере закодированы своим детством — это объяснил миру высоко ценимый варшавским доктором его венский коллега Зигмунд Фрейд. Корчак потерял отца рано и страшно: Юзеф Гольдшмит сошел с ума, и его сын всю жизнь боялся, что его тоже настигнет болезнь. Опекая сирот, он не только заменил им отца, но и выстраивал для себя убежище от безумного мира, остров, где на самом деле все подчинено законам свободы, любви и разума. Главное же — Корчак, так рано полысевший, сгорбившийся и постаревший, остался на всю жизнь ребенком. А ведь он сам писал:

«У ребенка иной будильник, иной календарь, он измеряет время иначе. Детям и взрослым неловко друг с другом. Было бы хорошо, если бы люди могли становиться то большими, то маленькими, — чередуясь, как лето и зима, день и ночь. Вот тогда взрослые и дети начали бы понимать друг друга».

Корчак был детским послом и адвокатом в мире взрослых, где сам чувствовал себя неуютно. Дети вырастали, уходили и забывали свое детство, а Корчак, как Питер Пэн, принимал на своем острове новую партию неприячных детишек. Правда, жизнь не позволяла ему быть беззаботным; в приюте соблюдался строгий распорядок дня, а часы, весы и градусник почитались, как оракул.

Как-то раз, приступая к курсу детской психологии в одном варшавском институте, Корчак устроил первое занятие в рентгеновском кабинете и привел с собой маленького мальчика. Снял с него рубашку, поставил за экран и выключил верхний свет. Студенты увидели быстро пульсирующее сердце малыша.

«Запомните это навсегда, — сказал им Корчак. — Прежде чем вы поднимете руку на ребенка, прежде чем подвергнете его любому наказанию, вспомните, как выглядит его испуганное сердечико».

Кажется, детьми оставались до самой смерти все великие педагоги; именно это, с одной стороны, позволяло им подняться до такого уровня, с другой же, обрекало на одиночество и внутреннюю трагедию, неминуемую даже без Гитлера и газовой печи. Жаль, что не сохранилась запись лекции «Судьба и свобода воли», которую Корчак читал своим воспитанникам за месяц до 6 августа, чтобы за неимением хлеба насытить их духовной пищей...

Пересказывать книгу, которая пересказывает жизнь, не имеет ни малейшего смысла. Эпиграфом к ней служат горькие строчки из «Короля Матиуша Первого»:

«Реформаторов ожидает плохой конец. Только после их смерти люди начинают видеть, что они правы, и воздвигают им памятники». И пишут о них хорошие книги, продолжают мы. И «проходят» и «задают» в вузах. И наводят Интернет до тошноты правильными и бездушными рефератами на тему «Гуманистическая педагогика Корчака», «Корчак и права детей» и т. д. Кому сдать зачет — нет проблем сказать. А кому действительно интересно, кто такой Януш Корчак и кто не боится неделями видеть во сне стайку детей под знаменем Матиуша Первого, марширующих по улицам гетто, лучше обратиться к Бетти Лифтон и ее «Королю детей».

Наталья Мавлевич